

А.С. Столетова

Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н.В. Верещагина,
Вологодский государственный университет

К.В. Кушнерева

Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н.В. Верещагина,
Вологодский научный центр РАН,
Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина,
Средняя общеобразовательная школа № 1 г. Вологды

РАЗМЫШЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ О ЦЕННОСТНЫХ СДВИГАХ В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Векторы эволюции общественного сознания в историко-культурном пространстве Русского Севера второй половины XX века», проект № 25-28-00938

В статье анализируется процесс чувствования и предчувствия общественно-культурных смещений в сельском мире Русского Севера со стороны литературной общественности. Писательская интуиция, предвиденье, пророчество, литературное подсознание, обострившиеся и проявлявшиеся в острые фазы общественных перемен, описываются с точки зрения векторов эволюции общественного самосознания, идентичности мировоззрения северян и маркеров времени.

Русский Север, общественное сознание, социально-экономические и культурные сдвиги, мировоззрение, ментальность, писатель.

Исследование чувств и предчувствий общественных сдвигов в контексте историко-культурного пространства Русского Севера имеет важное значение для понимания глубинных процессов, влияющих на формирование идентичности и мировоззрения северян. Оно также помогает осмыслить исторические корни современных проблем и перспектив развития региона. В региональном разрезе о пространстве, сознании и культурных смыслах Русского Севера безусловный интерес имеют работы И.В. Власовой [2], А.Б. Пермиловской [5], Ю.П. Шабаева [31], И.Л. Жеребцова, П.С. Журавлева. В данной статье мы остановимся на анализе восприятия жизни, ценностей, социально-экономических трансформаций со стороны категорий лиц, находящихся во второй половине XX в. в писательском поле Русского Севера, в свою очередь фиксирующих и интерпретирующих «почвенное» подсознание русской деревни, видящих сигналы власти, составляющих летопись происходивших перемен.

Основным источником проводимого исследования являются подборки писем к писателям, переписка литературных деятелей, собранные главным образом в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Работа с данным источником показала, что одними из ключевых событий, повлиявшими на развитие творческой атмосферы, а следовательно, обуславливающими генезис сознания, стали смерть И.В. Сталина и последующая цензурная «оттепель», экономические реформы 1960-х гг., а также новые ориентиры аграрной политики периодов строительства «развернутого коммунизма» и «развитого социализма», обновление экономических основ политического устройства и духовной жизни общества, последовавшие с середины 1980-х гг. Писатели поднимали трудовую проблематику, описывали мотивы и формы

общественного поведения, руководства, хозяйствования, потребления и воздействие этих процессов на ментальность масс. Отзывы читателей регистрировали факт скрупулезной литературной работы по «считыванию», распознаванию векторов общественной эволюции. В свою очередь, художественная литература оказывала направленное идеологическое воздействие, демонстрировала болевые точки развития. В поддержку данного тезиса представим цитату о работе В.П. Астафьева. «В 1970–1980-е гг. писатель Астафьев был самым читаемым, самым почитаемым из всех известных в то время. Мы зачитывались его трогательными рассказами и повестями. Вряд ли кто не прочел тогда его “Последнего поклона”, “Кражи”, “Царь-рыбы”, “Пастуха и пастушки”... Он никогда не лгал. Не приукрашивал тяжелой действительности, но его книги, трагические по содержанию, оставляли какой-то светлый отблеск в душе, очистительное чувство, исходящее от доброты и теплоты человеческого сердца писателя», – утверждала библиотечный работник Цыганкова Лилия Александровна [23, л. 1].

Кроме того, отметим факт взаимовлияния: эпистолярное наследие читателей (либо прямое общение с жителями регионов) вмещало богатый фактологический материал, в т.ч. показывающий черты мировидения, часто довольно смелую и открытую оценку происходящих перемен. Это восприятие ложилось в основу жизненной позиции, сюжетов художественных и публицистических произведений, а также выступлений литераторов.

О тематике творчества

Решение политических и экономических задач шестой пятилетки неразрывно связывалось с решением гигантских задач развития личности современника

эпохи. Общий духовный рост, характер мировоззрения, уровень сознательности должны были соответствовать происходящему процессу изменения в производительных силах общества и складывающихся на этой основе производственных отношениях. Реконструкция экономического базиса и усовершенствования политической надстройки не могли быть осуществлены без параллельного развития личности строителя коммунизма, его психологии, всего склада его характера. В данной связи, под углом зрения действенного участия в широком процессе формирования личности советского человека как будущего гражданина коммунистического общества, возможным и важным видится обозначение ценности советской литературы. В условиях созидательного труда, составляющего содержание всей жизни общества, литература не могла, не имела права быть простым летописцем – регистратором достоинств и недостатков советского общества. Высокое назначение «инженера человеческих душ», составляющее призвание писателя, предопределяло активное вмешательство литературы в жизнь общества, в жизнь современников-сограждан.

После XX съезда партии были подняты вопросы ликвидации в литературе всех последствий лакировки действительности, «бесконфликтности», ухода ряда писателей в историческую и историко-автобиографическую область, увлечений зарубежной тематикой в ущерб разработке наиболее актуальных животрепещущих тем советского общества, сужения лирических жанров в поэзии, почти полного исчезновения комедийных жанров в театральной и кинематографической драматургии.

Литературная среда СССР сложилась в организованную общественность, партия осуществляла свое идейное воздействие на развитие литературы через писателей-коммунистов, составляющих значительную и творчески активную часть советской литературы.

Как показывают комплекты журналов за 1956 г., характерной чертой развития некоторых сторон литературы явилось увеличение количества произведений, где преобладала критика теневых сторон действительности. Это нашло свое отражение и в прозе, и в поэзии, и в драматургии. Анализируя наиболее характерные произведения этого рода, следует поляризовать их по ведущим тенденциям. Тогда станет ясно, что в ряде произведений, подобных «Трудной весне» В. Овечкина, повестям и рассказам В. Тендрякова, очеркам Е. Дороша, при всей остроте и резкости критики реальных недостатков современной им действительности лейтмотивом являлась энергичная авторская позиция борьбы за новое, прогрессивное. Именно эта струя литературы и может быть выделена как проявление ведущей прогрессивной тенденции в развитии литературы после 1956 г.

Произведениями «Не хлебом единым» Р. Дудинцева, «Собственное мнение» Д. Гранина, «Рычаги» А. Яшина, «Был ли Иван Иванович» Н. Хикмета, некоторыми стихами С. Кирсанова, Н. Асеева, О. Берггольц и др. представлена другая тенденция в критическом освещении действительности. Исторически объяснимое стремление ряда писателей, как указано в материалах к III пленуму Правления Союза Писателей, «наверстать упущенное в пору господства “бес-

конфликтности”», однако, не дает основания к оправданию и общественному поощрению тенденций метания из лакировочной в очернительскую крайность» [12, л. 6–18]. Тем не менее, как известно, злободневная и дискуссионная тематика была развита. Сенсационные произведения о деформациях советской номенклатуры, бюрократическом стиле руководства, глубоких нравственных искажениях, экономическом и социальном неравенстве, бедственном положении аграрной подсистемы в первую очередь вышли из пера авторов северной земли [26, с. 98–120].

«Главное – поднять большую общественно-значимую тему и правдиво поднять. Правда жизни – вот откуда приходит новаторство», – считал А.А. Фадеев [7, л. 13]. В связи с чем А.Я. Яшин вспоминал: «У писателей, причастных к сельской тематике, и бутофория сельскохозяйственная. В кабинете одного ленинградского прозаика я видел даже кресло, у которого вместо подлокотников два воткнутых в сиденье топора» (Там же, л. 9).

В одном из писем за 1968 г. к В. Белову Ф. Абрамов писал: «В первых числах марта собираюсь на свой Север – хочется подышать там зимним воздухом» [15, л. 28]. Спустя время писатель пояснял: «Жил целый месяц с мужиками. Полезно съездил, кое-что высмотрел, да и сам понял мужицкую жизнь» (Там же, л. 29). В.И. Белов в свою очередь признавался: «...мне нравится жизнь в своем старом деревенском доме. Нравится сам процесс жизни. Многие перестали замечать прелесть в исполнении исконно крестьянских обязанностей по дому, по хозяйству. Мне представляется наслаждением топить печь, мастерить что-то из дерева или вот перебрать баньку. Сходить по воду на колодец или расчистить от снега дорожки у дома, по-моему, для здорового человека удовольствие, а не тяжкий труд. В деревне хороша любая погода, даже осеннее ненастье. Не говоря уже о весне, когда будто заново рождаешься вместе с солнышком... А зимние вечера в прогретом деревянном доме! На улице мороз, а от печи пышет добрым теплом. Представишь, что так было и век, и два тому назад, и столько дум приходит в голову, столько родных лиц вспомнишь в этих сумерках! И все они – рядом. Ведь жили в этом же доме, сложили эту печь... Не случайно вдаль от родины, когда заскучаю, вспоминаю прежде всего свой старый дом...» [1, с. 11].

Освещая аспект творческой тематики, выделим подход обособленного *отношения к Северной территории, и в частности к вологодчине*.

Часто в научной и публицистической литературе встречается словосочетание «певцы Русского Севера». И далеко не случайно. Дело в «народной крестьянской стихии слова», которая живет в литературе данного региона. Недаром А. Яшин называл свои стихи «вологодскими частушками» [9, л. 1]. Писатели Русского Севера душой болели за сельский мир, старались привлечь внимание к болевым точкам его развития, мечтали о возрождении народного пласта культуры, сельского мира и сельской бытности. Удивительно, как едины они были в своем порыве, как поддерживали друг друга в творческих начинаниях [30].

В письме К.И. Коничева к А.Я. Яшину от 1954 г. читаем: «Если бы нормальнее относились к Вологод-

чине ..., то в Вологодчине, ... ух, что бы происходило и до чего она бедная дошла» [11, л. 1]. Продолжая мысль, вспомним слова главного редактора «Правды Севера» И.М. Стегачева от 1965 г.: «Север – это край могучих людей. Правильнее – могучих детей. Имею в виду светлый и нехитрый характер, незлобивую, завидную выносливость. В официально узаконенном принципе “Не выходить из борозды”, есть такое, что помогло держаться людям на ногах. В нелегких, очень нелегких условиях северной деревни. И можно сказать даже обидных условиях, если их сравнивать с югом и Сибирью. Север нельзя не полюбить. О нем нельзя говорить равнодушно. Север – это, по существу, заповедный край России. Многое надо сохранить. И не только церкви. Сохранить, и грубо говоря, влить в советскую душу» [10, л. 21–22].

Документ 1

**Из письма С.П. Залыгина к В.И. Белову
21 ноября 1970 г.**

примечательны и поделению...
Очень хотелось бы поговорить на
тему Вологодчина, все переживаешь захват
в те древние края...
Большой любви к северу, к северу, к северу,
то и сделать нам полюбилось по-северному, по-
северному, то же дело, не и иначе.
Всем доброго!
Ваш С.Залыгин
21.11.70

Источник: РГБ. Ф. 889. К. 9. Ед. хр. 61. Л. 10б.

Глубокое неравнодушие к деревне проявлялось во многих литературных трудах. Например, взять повесть В. Белова «Привычное дело» (1966), получившую массу откликов после опубликования, но и потрясшую единомышленников еще в стадии своей подготовки. Людмила Абрамова (жена писателя Ф. Абрамова) в письме В. Белову от 9 января 1965 г. с некоторой долей иронии, но главное – восхищения обозначила: «Умную, хорошую, поистине национально-важную книгу вы написали. ...Федор теперь все жалуется: “Где мне до Васи! Лучше бы я пошел к нему в секретари”. Не хотите ли пригласить его на такую должность?» [16, л. 2].

Многих авторов, связанных крестьянскими корнями, «Привычное дело» поразило и вдохновило. Так, В.П. Астафьев в письме от 1966 г. отзывался: «Ох Вася, ты Вася! Сажу вот и плачу, дочитавши твою горькую повесть. Как мне больно, если бы ты знал! А как больно было тебе, одному богу было известно. Большого ты сердца, человек. Дай тебе бог много дней жизни, чтоб рассказал ты еще о русских наших людях, о горькой судьбе нашей... Был бог близко, обнял бы тебя, родного человека... Пиши родной. Больше пиши. Дни наши недлинные, а тебе так много надо рассказать. Как ты рассказываешь – никто больше так не умеет. Все, что ты написал – это за пределами ремесла и выше мастерства, это и сам ты, наверное, еще не знаешь, что такое. ...В 8–9 номере “Си-

бирских огней” собираются давать мою повесть “Кражу”. Но это так, побрякушка, по сравнению с твоей вещью» [17, л. 1].

Творчество В. Белова пробуждало жесты дружеской поддержки. Астафьевское предчувствие тяжелого периода для автора вызвало к жизни такие строки: «Литературная обстановка в Москве очень плохая, поднялась недоброжелательная волна вокруг “Привычного дела”, ее уже кое-где окрестили “идейно-порочной книгой”. И вот о чем я тебя прошу (прошу, потому что я старше тебя на целую войну, а это дает мне кое-какие права, как старшему, на советы), – не заболей болезнью отринутого крамольника, не встань в позу оскорбленного дарования, а живи, как жил, и пиши, как писал, не попускаясь ничем, но и не озлобляясь. Перо твое доброе, мужицкое, и не дай бог яду попасть на него. Правда должна быть скорбной, но спокойной, и жить мы должны с достоинством» (Там же, л. 4).

Дружеская критика соседствовала с признанием заслуг. Так, в 1968 г. Ф. Абрамов делился с В. Беловым: «Книгу о коллективизации просмотрел, но она не потрясла меня. Мне это показалось и знакомым, и пережитым. Яшин стал писать очень сильные и интересные стихи» [15, л. 28], а «из повести¹ твоей можно сделать большие философские выводы» (Там же, л. 42). «Василь! Давно так не смеялся и не хохотал! Бухтины² великолепны 5++ Блеск! Это же клад для эстрады, это же в библиотеку надо тиражом в 1–2 миллиона. Bravo. Молодец!», – писал 26 сентября 1969 г. К.И. Коничев [21, л. 4]. И далее, 27 сентября того же года, продолжал: «Поздравляю с беловскими Бухтинами. Прекрасно! Шолохова со Щукарем³ перескочил. Жаль, не дожил Яшин, то-то бы порадовался замечательному успеху подшефного земляка» (Там же, л. 5).

Документ 2

**Из письма С.П. Залыгина к В.И. Белову
5 сентября 1975 г.**

Дорогой Василий Иванович!
Прочел в Ваш рассказ в “Авроре” –
в субботу вечером и захотелось мне
Вас поздравить и пожелать Вам удачи.
Ах, как это хорошо!
С искренним уважением
Ваш С.Залыгин
5.10.75

Источник: РГБ. Ф. 889. К. 9. Ед. хр. 61. Л. 3.

¹ Автор имеет в виду повесть «Плотничьи рассказы», написанную В.И. Беловым в 1968 г.

² Повесть В.И. Белова «Бухтины вологодские» была опубликована в 1969 г.

³ Дед Щукарь – один из главных героев романа Михаила Шолохова «Поднятая целина».

Отметим, что в исследуемый период региональные писатели обращались к воспроизведению образов простого человека, хозяйственного руководителя, демонстрации обычаев крестьянской общины, к трактовке понятий «труд», «хозяйственность», «духовность», рассказывали о становлении новых общественных отношений в коллективе людей. Они же стали авторами романов-эпопей, охватывающих крупные исторические периоды 1940–1970-х гг. Ценность таких произведений – описание повседневности и социально-экономической обыденности, норм поведения, а также трансформаций в этом поле; новых устоев жизни, психологических характеристик, мышления, ценностных ориентаций в общественной среде.

Критикуя потребленчество (будь то А.Я. Яшин (см., например: [27]), В.Ф. Тендряков (см., например: [28]), В.И. Белов (см., например: [29] и др.), писатели старались жить скромно, бывать в родных селах (для них самих – «Вершинах мира»), заниматься охотой и рыбалкой, народными промыслами [26, с. 56, 66–68]. Многие литераторы прошли войну, поэтому бережливость и этика вживания в проблемы родных мест проходила красной нитью через призму их жизни. Общение с представителями сельского социума и сопереживание их доле – неотъемлемая часть обихода. Как вспоминала Л.А. Цыганкова: «удивительно быстро и просто находил Виктор Петрович Астафьев общий язык с любым деревенским жителем, будь то бабка Анна или только вышедший из заключения Сашка. Рассказы о годах его тюремного заключения потрясли писателя до глубины души, и будучи человеком очень впечатлительным, все услышанное он переживал долго и горестно» [23, л. 3].

Документ 3

Из воспоминаний о Викторе Петровиче Астафьеве Цыганковой Лилии Александровны

Когда семья Астафьевых переехала из деревни в Вологду, мы обсадили довольно часто. Самостоятельно извлекать из лиственной кустарной кварты сыроежки было делом не простым. Астафьевы, естественно, что приехали Астафьевы ничего не стоило обзавестись и лачкой. Но... Вот тут, как и всегда и всегда, проявился незащищенный и неприспособленный характер Виктора Петровича. Никогда, ни при каких обстоятельствах он не хотел принимать пощады и подношения. В Вологде, например, и зимой, он запрещаю пользоваться лачкой Семёновне специальною обкомовским магазином, но Мария Семёновна иногда тайком от мужа приходилось вылавливать в обкомовскую квартиру за десятилетия в те годы пролетариата, так как редкий день в доме не было гостей: В.И. постоянно отаковал корреспондентов, критиков, литераторов, артистов, режиссёров, и Мария Семёновна приходилось крутиться как белка в колесе, чтобы всех, кто приходил к ним, часто издалека, и накормить, и пристроить на ночлег...

Источник: РГБ. Ф. 889. К. 17. Ед. хр. 4. Л. 2.

В данной связи нельзя не упомянуть очерки народной эстетики – одно из самых значительных произведений В.И. Белова «Лад» о жизни русского, преимущественно – северного, то есть самого исконного, крестьянства в охвате веков, изданное в 1982 г. Или опубликованный в 1986 г. роман В. Белова «Всё впереди», рассказавший о судьбе поколения «шестидесятников», в т.ч. о важнейших проблемах времени, таких как самопознание и самосознание, возвращение к себе. Произведение затронуло и глубинные проблемы общества, в том числе перелом в мировоззрении русского человека. Продолжая рассуждение, нельзя не назвать горький роман «Братья и сестры» (журнал «Нева», 1958 г.) Ф. Абрамова. В центре повествования люди, которых отличали высокая нравственность, порядочность, готовность к самопожертвованию, ду-

ховный потенциал, благодаря чему они оказывались способными на духовные подвиги. Первое место в ряду таких героев занимал Михаил Пряслин – труженик и справедливый. Вторая книга о Пряслиных – роман «Две зимы и три лета» (1968 г.) Продолжением жизнеописания семьи выступили романы «Путь-перепутья» (1973; роман был опубликован после сражений с цензурой в «Новом мире») и «Дом» (1979), а также повести «Пелагея» (1968), «Алька» (1972), «Деревянные кони» (1970) [6, с. 151–152]. В них писатель размышлял об уходящих в прошлое обычаях, об итогах нравственной силы человека труда, о путях хозяйствования на земле, о моральных потерях, бездуховной жизни.

О векторах эволюции

Традиционно суждения об удаленных северных регионах, их природно-географических возможностях связывались с представлением о **тяжелом труде** и терпеливых людях, замкнутых в непроходимых лесах и крестьянских хозяйствах. Воспитание трудового опыта в суровом климате способствовало выработке природосообразности, обрядности действий, а также нравственных ценностей, волевых черт, смеховой культуры. То же определяло коллективистские идеалы и ментальные скрепы. Дух северного крестьянства, тяготение к земле, служение ей – живы и, скорее всего, идентичны и довольно статичны. Сей факт неустанно и систематически регистрировали писатели.

«С. Викулов назойливо и грубовато величает своих героев – “мужики”, “бабы”, но он искренен в верной и постоянной любви к ним. Они для него – “всегомогущи и велики, более чем боги”. Поэт почтительно смолкает перед их гордой и светлой работой. Он горд от сознания, что эти люди, народные мастера, знающие усталость и цену труда, могут назвать работой и труд стихотворца. С годами в поэзии С. Викулова все крупнее встает образ современника. Начиная с лирической поэмы “В метель” поэт чаще обращается к жанру “маленьких поэм” с описанием характеров скромных русских людей разных поколений. Это вечный труженик, колхозный кузнец, “увечный солдат”... в широком рабочем взмахе героя узнается нрав России, ее трудолюбивого народа», – высказывался литературный критик В.В. Гура [4].

Однако и в этом «поле» происходили перемены. На пленуме Союза писателей СССР от 1987 г. В.И. Белов отмечал: «Теперь сельские десятиклассники редко мечтают стать слесарями и доярками. Они мечтают о том, как станут инспекторами угрозыска, каскадерами и геологами, спортсменками, циркачками и танцовщицами» [14, л. 1].

В повседневной жизни северян на протяжении второй половины XX в. высокое нравственное значение имело такое качество, как **хозяйственность**. Правда, по мере развития кризисных явления оно постепенно перерождалось в явления бесхозяйственности. В данном отношении интересен отклик В.В. Гуры на вышедшую в 1964 г. поэму С. Викулова «Окнами на зарю»⁴. Критик писал: «В поэме концентрируются

⁴ Викулов С.В. Окнами на зарю : [поэма] / С. Викулов // Октябрь. – 1964. – № 12. – С. 159–162.

давние раздумья поэта над судьбами северной деревни. Проблемы “преодоления” помех, противоречий на пути к успеху, “власти над землей”, звучат теперь полным голосом. Не только своего сына, с которым поэт отправляется в родную деревню, важно убедить, что “заглавная фигура у хлеба не пекарь, не короной увенчанный продавец”. Мысль о важности труда хлебороба облекается в полемическую форму. Деревня для поэта – фронт, где идут напряженные бои за новые, общественно значительные высоты. Герои Викулова в испытаниях, ценою собственного опыта осознали великую силу коллектива и теперь активно участвуют в преобразованиях жизни. Поэт и его герои полны ответственности за все, что происходит в деревне. Их мысли сходятся в главном: как поднять отстающий колхоз, как лучше построить деревню, чтобы она всегда глядела окнами на зарю. Особенно ярко писатель раскрывает образ бригадира Кузьмы – настоящего хозяина деревни. Героя поэмы отличают глубокая заинтересованность в делах колхоза, будни каждодневного труда и строительства новой жизни на селе. Вместе с товарищами он строит новые избы, клубы, расчищает заросшие поля. Люди, в чьих руках “власть над землею”, нажились где-то “на отшибе”. Они возвращаются в село, чтобы строить его заново» [3].

Наконец, в произведениях писателей Русского Севера, их жизненной позиции и траектории, имеет глубокий след **мотив народной совести и нравственности**.

Как отмечал литературовед Н.И. Никитин (Н. Калинин): «“Душа и глаза настежь”. Вот он, весь в стихах и словах, лирический герой А. Яшина. Всем, что есть в нем светлого и чистого, обращен он к миру, к людям. И все прекрасное, и светлое в мире и душе человека разглядит его пристальный и добрый взгляд. Любовь его к родной природе нежна и трепетна, к людям – требовательна. “Боль чужую все глубже чувствую”, “больше к людям тянусь” – говорил поэт, раздумывая над тем, как повзрослел он вместе со своим поколением. В любую минуту он готов обнять своей строкой друга, наклониться, чтобы подать руку уставшему (“Выпрямитесь! Разогнитесь!”). В людях ему больше всего дорога скромность, правдивость, верность мечте. Но он хочет видеть каждого человека своей земли честным, прямым, сильным, достойным участия в великом братстве трудящихся» [8, л. 13].

Критик Ф. Кузнецов, размышляя во время выступления на Пленуме Союза писателей СССР в 1987 г., высказывал серьезную тревогу относительно того, что «талант, совесть, честность, мысль не заняли подobaющего, центрального места в мироздании, т.к. проявляли себя бездуховные, безнравственные начала многоликой потребительской, новобуржуазной “массовой культуры”, вместе с которой утверждались вседозволенность и идейная всеядность, перевернутая система ценностей, буржуазное сознание» [14, л. 2]. В данной связи интересен обзор читательских писем по проблемам мирских морали и нравственности. В частности, В.И. Белова удивляли материалы, публикуемые на страницах молодежных газет после 1987 г.: откровения относительно досуга, «служба знакомств» и «любовные драмы», отрешение от родителей. «Газета не стесняется сказать кто кого полюбил. Толстой

с Достоевским откладываются... Будет ли толк от замужества, если знакомство совершается публично, если оно лишено поэзии, неожиданности тайны первого взгляда, когда зарождается нечто необъяснимое и прекрасное? Или уже ничего этого людям не нужно? Отчуждение продолжается» [13, л. 15–17].

В 1992 г. в статье «Так хочется быть обманутым» писатель В. Белов затронул проблему общественного самообмана. «Не знаю, можно ли говорить об иерархии степени самообмана. Конечно, дитя, которое забывает про свой нехороший поступок, наверное, все же одно, а взрослая девушка, убегающая от разбитой кефирной бутылки, другое. И уже совсем иное – мужчина, ворующий с места работы автомобильную запасную часть, заглушающий свою совесть и оправдывающий свое воровство житейскими трудностями, малым заработком, дефицитом в торговле и т.д.» [24, л. 5]. Рассуждая о явлениях фальши, наглости и безнаказанности, писатель подчеркивал: «Заменяв глагол “воровать” глаголом “уносить” (так в советской печати внедрилось безобидное словечко “несуны”), работник прячется от собственной совести, а жена его, покрывающая воровство, делает самообман уже семейным явлением» (Там же).

Еще одним сдвигом, на котором фокусировалась общественность, являлись **национальные противоречия**. «Нынешнее состояние Отечества нашего ужасно, а окружающий мир с каким-то непонятным злорадством наблюдает за стремительным и поспешным расчленением нашей еще недавно здоровой и мощной государственной плоти. Судя по прессе десятки правительств и даже целые народы ждут не дождутся, когда Россия испустит, наконец, дух, разложится и станет политическим и экономическим перепрогнозом для произрастания каких-то новых и по их мнению уже окончательных образований», – отмечал В.И. Белов в 1992 г. (Там же, л. 1). Писатель концентрировался на проблематике вселенской лжи, «западной свободы, европейской совести» (Там же, л. 1–5). В свою очередь, в одном из писем к В.И. Белову за 1994 г. читаем: «С болью слежу за распадом России, за оплевыванием русского народа, его святынь. Знаю (слежу), как вы переживаете об этом. Не везет нашему народу. Хронически. А все из-за того, что нами управляют с некоторых пор “земляне” (термин С.Ю. Куняева)» [18, л. 1 об.].

Как правило, в объекте внимания писателей состояла не только пресса, но и региональные общественные, культурные, научные, религиозные учреждения. Интерес этот обусловлен деятельностью перечисленных организаций, направленной на анализ и претворение в жизнь хозяйственных и идеологических проектов власти, их участия в развитии периферийных, в т.ч. сельских, территорий. Особую значимость несли этнографические традиции, христианская окрашенность представлений: монастырское освоение пространств, **религиозное осмысление жизни**, сакральная география Святой Руси. Не случайно в общественном сознании по отношению к Русскому Северу и Поморью утвердилась устойчивая духовная характеристика – «Северная Фиваида»). В данной связи в архивных учреждениях сохранилось множество документов, констатирующих внимание отдельных

граждан и культурных организаций к фигурам писателей как христианским попечителям: обширная переписка и документооборот, фиксирующий роль общественной памяти. Весьма любопытно письмо от неуставленного лица без даты, но составленное не ранее 1989 г. (как отмечено на титуле источника) и адресованное В. Белову. Автор пишет: «Россия Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева была Россией Ксеркса, Россия Горбачева должна стать Россией Христа»⁵. Автор подчеркивает необходимость восстановления Храма Христа Спасителя и всех разрушенных святынь. В контексте размышления над вопросом, касающимся введения новых государственных праздников, предлагались – «День размышления» и «День молитвы». «В 1989 г. исполняется 400 лет Патриаршества на Руси и 150 лет славянофильства. А далее – Тысячелетие Крещения Руси. Этот праздник надо отметить широко – по-русски, иначе потомки не поймут нас. Надо добиться, чтобы Православной церкви разрешили иметь свою радиостанцию, издавать и продавать свои газеты и журналы», – указано в том же документе [22, л. 1, 2 об., 3]. В письме от 26 апреля 2002 г., адресованном к В.И. Белову, директор музея Ф. Абрамова С.Ю. Галочкина рассказывала о процессе восстановления храма в Верколе, подготовке выставки «Духовные искания Федора Абрамова», просила посильного содействия этому процессу [19, л. 1–2]. Уместно вспомнить о том, что Василий Иванович Белов лично восстанавливал храм Николая Чудотворца в Тимонихе (Вологодская область). В фонде № 889 В.И. Белова, размещенного в РГБ, присутствует также переписка со священнослужителями (см., например: [20]) и разного рода лицами на религиозную тематику⁶.

В 1980–1990-е гг. ввиду углубления общественно-го кризиса в переписке все чаще фигурировали **политические мотивы**, эмоциональные отклики, отражающие критический взгляд обывателей на ход истории. Касательно этого аспекта вновь отметим упоминаемое выше письмо от анонимного автора, в котором говорилось о необходимости возврата к двухпартийной социалистической системе как гарантии гласности, демократизации, возрождения, свободы печати. Целый блок раздумий связывался с идеей возвращения эмигрантов (А. Солженицына, перезахоронения И. Бунина, С. Рахманинова, В. Набокова, М. Шагала, С. Булгакова и др.) и публикации литературно-художественного наследия (в пример ставились «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана). Кроме того, описана необходимость возвращения старых названий городам, возрождения дореволюционных журналов («Отечественные записки», «Колокол»). Далее представлен политизированный отзыв о романе В.И. Белова «Кануны» (1984), в котором подчеркивалась важность этого произведения для читателя: «Вы показали коллективизацию такой, какой она была на самом деле. Умоляю Вас как можно быстрее опубликовать вторую

часть. Коллективизация – это Сталинско-Калининско-Молотовский геноцид против русского народа, – это гражданская война партии против безоружного народа» [22, л. 1–4 об.]. Резюмирует автор словами, отражающими высокий уровень доверия: «Только писатели и поэты могут сделать процесс демократизации необратимым» (Там же, л. 4 об.). Может быть, под влиянием данной идеи с 1989 по 1992 гг. Василий Иванович Белов являлся депутатом, а в 1990–1991 гг. – членом Верховного Совета СССР. В данной связи красноречива статья В. Белова «Демократия с большой буквы», включающая впечатления от политической работы. В частности, содержащая эмоции от предстоящих выступлений: «Как в три минуты уместить трагедию целого государства? Я думал об этом всю ночь. И утром пришел в Думу», – вспоминал автор [25, л. 1]. Известное выступление В. Белова от 17 декабря 1989 г. на II съезде народных депутатов СССР вобрало в себя требования, звучавшие в народных письмах и требованиях.

В качестве заключения отметим, что ценностные и нравственные позиции региональных литераторов, продемонстрированные через художественную литературу, публицистику, эпистолярный материал, имеют одно из первостепенных значений с точки зрения изучения формирования принципов мировидения различных социальных групп, и в первую очередь крестьянства, рабочих, интеллигенции, а также руководителей хозяйств, советской номенклатуры. На протяжении второй половины XX в. писатели фиксировали процесс уничтожения целого пласта народной культуры, его самоустройства, а вместе с тем утверждения дезинтегративных тенденций, направленных на самоуничтожение понятия «прогресс», когда менялись местами понятия добра и зла, происходила «смена всех», утверждались ценности, заглушавшие совесть и оправдывающие воровство и собственничество.

Литература и источники

1. Большая любовь – большая тревога / беседу вел А. Быков // Турист. – 1983. – № 4. – С. 11.
2. Власова, И. В. Народное сознание и культура севернорусского населения. Очерк 5 / И. В. Власова // Очерки русской народной культуры / [ответственный редактор и составитель И. В. Власова]. – Москва, 2009. – С. 113–196.
3. Гура, В. В. Окнами на зарю / В. В. Гура // Красный Север. – 1964. – 3 апреля. – С. 3.
4. Гура, В. В. Родники жизни (мысли писателя о писателе) / В. В. Гура // Красный Север. – 1963. – 22 октября. – С. 3.
5. Пермиловская, А. Б. Русский Север в пространстве культуры / А. Б. Пермиловская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3-3 (9). – С. 121–124.
6. Пономарев, Б. С. Литературный Архангельск: События, имена, факты, 1920–1980 / Б. С. Пономарев. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1982. – 190 с.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 622. Оп. 4. Д. 317.
8. РГАЛИ. Ф. 2807. Оп. 1. Д. 23.
9. РГАЛИ. Ф. 3101. Оп. 1. Д. 495.
10. Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 647. К. 15. Ед. хр. 32.
11. РГБ. Ф. 647. К. 19. Ед. хр. 2.
12. РГБ. Ф. 647. К. 25. Ед. хр. 3.

⁵ В контексте размышлений автор вспоминает стихотворение В. Соловьева «Свет с Востока».

⁶ См., например, письмо от неуставленного лица «С нами Бог!». Ф. 889. К. 15. Ед. хр. 35. Л. 1.

13. РГБ. Ф. 889. К. 5. 22. Ед. хр. 9.
14. РГБ. Ф. 889. К. 7. Ед. хр. 9.
15. РГБ. Ф. 889. К. 8. Ед. хр. 9.
16. РГБ. Ф. 889. К. 8. Ед. хр. 10.
17. РГБ. Ф. 889. К. 8. Ед. хр. 21.
18. РГБ. Ф. 889. К. 8. Ед. хр. 34.
19. РГБ. Ф. 889. К. 9. Ед. хр. 10.
20. РГБ. Ф. 889. К. 9. Ед. хр. 15.
21. РГБ. Ф. 889. К. 10. Ед. хр. 33.
22. РГБ. Ф. 889. К. 15. Ед. хр. 42.
23. РГБ. Ф. 889. К. 17. Ед. хр. 4.
24. РГБ. Ф. 889. К. 22. Ед. хр. 13.
25. РГБ. Ф. 889. К. 22. Ед. хр. 18.
26. Столетова, А. С. Александр Яшин : становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера : монография / А. С. Столетова. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 143 с.
27. Столетова, А. С. История трансформации уклада деревенской жизни в повести А. Я. Яшина «Сирота», осмысленная эмигрантом Т. К. Чугуновым / А. С. Столетова // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность : сборник научных статей. – Будапешт : Изд-во Selmechi Bt. ; Киров : ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2020. – С. 412–419.
28. Столетова, А. С. Общественные горизонты и мировоззренческие позиции писателя В. Ф. Тендрякова (на примере очерка «Падение Ивана Чупрова») / А. С. Столетова // Новые исторические перспективы. – 2020. – № 3. – С. 99–106.
29. Столетова, А. С. Русская деревня в жизни и творчестве В. И. Белова в 1960-е гг. / А. С. Столетова // Вопросы истории. – 2018. – № 12. – С. 111–119. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii201812Statyi03
30. Столетова, А. С. «Мы ставим задачу показывать в первую очередь нашу область» (О творческой работе писателя С. В. Викулова) / А. С. Столетова // Беловский сборник. – Вып. 9. – Вологда : ВОУНБ, 2023. – С. 59–71.
31. Шабаетов, Ю. П. «Русский Север: культурные границы и культурные смыслы» / Ю. П. Шабаетов, И. Л. Жеребцов, П. С. Журавлев // Мир России: Социология. Этнология. Том XXI. – 2012. – № 4. – С. 134–153.

A.S. Stoletova, K.V. Kushnereva

REFLECTIONS OF NORTHERN WRITERS ON VALUE SHIFTS IN RURAL SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

*The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation
“Vectors of Civilization of Public Consciousness in the Historical
and Cultural Space of the Russian North in the Second Half of the Twentieth Century”,
project No. 25-28-00938*

The article analyzes the process of feeling and anticipating certain social-cultural shifts in the rural society of the Russian North from the point of view of the literary community. Writers' intuition, foresight, prophecy and literary subconscious, which became more intense and manifested themselves in the acute phases of social change, are described from the angles of the evolution vectors of the public self-consciousness, identity of northerners' worldview and markers of time.

Russian North, public consciousness, social-economic and cultural shifts, worldview, mentality, writer.